

ОБ ЭНКЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИЦЕ *-то* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Юхас

1. Своеобразная по своей функции, не имеющая соответствий в родственных языках энклитическая частица *-то*, именуемая в грамматиках и толковых словарях русского языка то усилительной, то выделительной частицей, несмотря на весьма скромное место, выделяемое ей в разных грамматиках¹, представляет несомненный интерес для смыслового членения высказывания.

2. Что касается однако функции исследуемой частицы и условий ее употребления, они в достаточной мере пока не раскрыты. М. Г. Халанский, написавший в начале 20-го в. интересную работу о характере и истории частицы *-то*, называл ее постпозитивным членом и, ссылаясь на Г. Ф. Покровского, утверждал: „древний член сохранился... и употребляется всегда только в тех случаях, когда предмет, к имени которого он прибавляется, или упоминался ранее в разговоре, или же, как предполагает говорящее лицо, он находится в уме не только его собственном, но и в уме его собеседника...”² Таким образом, М. Г. Халанский отождествлял функцию частицы *-то* в русских говорах и в разговорной речи с функцией определенного артикля в разных языках, между тем как в русских грамматиках последних десятилетий ничего подобного о частице *-то* не устанавливается. Так, напр., А. Н. Гвоздев называет ее просто усилительной частицей, подчеркивающей слово, на которое падает фразовое ударение, и служащей для выделения слова и для его противопоставления. В Толковом словаре Ушакова говорится также о выделении, подчеркивании и оттенении частицей *-то* значения слова, к которому она примыкает, а кроме того еще устанавливается, что *-то* „Придает фразе несколько эмоциональный или фамильярный, интимный характер”. Последние взгляды явно не совпадают с идеей М. Г. Халанского и Г. Ф. Покровского. Возникают вопросы: кто же из них прав, на чьей стороне скрывается истина, или — нельзя ли найти увязку между двумя мнениями, столь различными на первый взгляд?

3. Мысль М. Г. Халанского об артиклоидном характере частицы *то-*, впрочем, подробнее не развернутая и не доказанная и самим автором, несом-

¹ Во многих грамматиках, в том числе и в Академической грамматике, частица *-то* вовсе не упоминается, что находит свое объяснение, очевидно, в том, что *-то* не считается элементом литературного языка.

² М. Г. Халанский, Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке. Санкт-Петербург, 1901, стр. 26.

³ А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, I, Москва, 1958, стр. 396—397.

ненно, встречается с большими трудностями. Артикли, препозитивные или постпозитивные, во всех европейских языках, в которых они имеются, сочетаются с именами существительными, тогда как русская частица *-то* не ограничена в своем употреблении рамками существительных. (Можно отметить, что древние членные прилагательные в русском языке также лишь в сочетании с существительными выполняли свою роль выражать определенность, а именно определенность имен существительных.) Частица же *-то* сочетается и с некоторыми другими частями речи, в том числе и с глаголами.

Вот несколько примеров разнообразного ее использования.

„Я вчера, между прочим, шуку поймал . . . — Где же *шука-то*? — спрашивают его.”⁴ (Ю. Казаков, Трали-вали); „*Ваня-то* у сестры жил.” (Бунин, Хорошая жизнь); „. . . баня у них там, а у нас-то нету ее . . .” (Ю. Казаков, Никишкины тайны); „Ты мне только скажи, ты *того-то*, тогдашнего, не любишь ведь? Правда?” (Куприн, Ночлег); „А какая дурочка — да это же прелесть! . . . И как робеет с *такой-то* красотой! . . .” (Куприн, Просительница); „Душонка у ней добренькая . . . да *собой-то* она уж не очень того . . .” (Куприн, Впотьмах); „Шатобриана долбить . . . с *больной-то* головой” (Шишков, Пейпус-озеро); „Вот ежели бы *мокрый-то* я у огня начал греться, ну тогда пропасть” (Мамин-Сибиряк, Вольный человек Яшка); „Слышишь, а ежели тебе в чистоте пожить? . . . — *Четыре-то* года — ответила баба.” (Бабель, Иисусов грех); „. . . был ранен. *Теперь-то* он поправляется.” (Шишков, Прокормим); „*Тут-то* я, понятно, пожалела, что не пошла.” (Бунин, Хорошая жизнь); „. . . где тебе и хорошему *так-то* сыграть!” (Бунин, Хорошая жизнь); „*Поэтому-то* . . . у нас нет таких случаев. . .” (Куприн, Лолли); „Смотри, парень, замерзнешь . . . чего ты *разделся-то*?” (Шишков, Буя); „Что же *делать-то* нам, ребята?” (Шишков, Сусанины советской земли); „*Что-то* стало из нее?” (Вересаев, Поветрие).

И такой, далеко не полный перечень различных случаев использования частицы *-то* показывает, что она сочетается со многими из частей речи, так с именами существительными — как нарицательными так и собственными —, с местоимениями разными, с прилагательными, с числительными, с наречиями, с инфинитивом и личными формами глаголов, и даже с вопросительными словами. (Чаще всего эта частица встречается в сочетании с существительными, личными местоимениями и глаголами, причем при самых различных случаях синтаксического использования указанных частей речи.) Вне сферы совместного употребления с частицей *-то* оказываются, повидимому, только такие части речи, как модальные слова, междометия, союзы, частицы разные, предлоги.

4. Такой широкий круг сочетаемости исследуемой частицы никак не совмещается с общеизвестным и общераспространенным пониманием характера и функции определенного артикля и артикля вообще. (Вполне единой и общепринятой теории артикля, правда, пока не существует, но все исследователи сходятся, в основном, на том, что определенный член отделяет предметы и явления от других однородных предметов и явлений — тем самым конкретизирует, индивидуализирует их — или отделяет классы предметов и явлений от других классов, представляя их, т. е. отдельные предметы, явления или отдельные их классы, как определенные, т. е. известные как говорящему

⁴ Как здесь так и в дальнейших примерах, взятых из художественной литературы, курсивы мои. (И. Ю).

лицу так и его собеседнику.)⁵ Ясное дело, что выдвинутым здесь требованиям, особенно требованию конкретизации и индивидуализации способны соответствовать кроме существительных только местоимения, которые могут быть заменителями существительных в контексте.

5. Является ли однако закономерным такое заключение, что все другие части речи лишены способности выражать объекты мысли, которые как-нибудь и в какой-то мере представляются как известные? Такое заключение, очевидно, было бы неправильным, ведь изучение т. наз. актуального или смыслового членения речи убедительно показывает, что исходным, отправным пунктом в высказывании, т. е. известным, данным моментом, о котором сообщается что-нибудь новое, могут служить не только члены предложения, выраженные существительным, но и другие. Актуальное членение высказывания является органическим, неотъемлемым признаком всех и каких бы то ни было высказываний, которое осуществляется как в языках, обладающих артиклями, так и в других языках.⁶

Артикли представляют собой удобное средство формального различения данного в высказывании но, разумеется, только в случае, если последние воплощены в виде существительных. В иных случаях смысловое членение высказывания на данное и новое остается без формального выражения и основывается на интонации и порядке слов, как это бывает вообще в языках, не имеющих артиклей⁷. Здесь включается проблема энклитической частицы *-то*.

6. Употребление определенного артикла внешне в основном сводится к явлениям дейксиса и анафоры. Небезынтересно проверить случаи использования частицы *-то* именно с этой точки зрения. Выходит, что у существительных в большинстве случаев и здесь мы имеем дело или с дейктическим или анафорическим типом употребления. Примеры: „... лешаки из избышки выглядывают, болбонят: Гляди ты! *Никишка-то* к отцу едет...” (Ю. Казаков, Никишкины тайны); „— А если она (рыба) выскочит? — Но! У нас ведь ловушка на то. Вишь, *полотно-то*? Сеть то есть” (там же); „... сейчас и город будет видно, — сказал извозчик... Ишь *огни-то*” (Куприн, Игрушка). Нужно отметить, что с дейксисом мы сталкиваемся сравнительно редко, зато анафорическое употребление *-то* встречается очень часто. Например: „Я вчера... щуку поймал... — Где же *щука-то*? — спрашивают его”, (Ю. Казаков, Трали-вали); „Пятьдесят рублей сулил — *цена-то* какова, а?”, (Ю. Казаков, Арктур-гончий пес); „Мы... поехали за город на дачу. *Дача-то*, конечно, была пустым предлогом”, (Куприн, Лунной ночью); „А у своих господ нам нечего сидеть, не стоят они того. *Господа-то наши*... бедные-бедные были...” (Бунин, Хорошая жизнь).

7. Сравнивая приведенные и подобные случаи использования частицы *-то* с употреблением определенного артикла в разных языках в соответствующ-

⁵ Относительно общей теории артикла см. Б. А. Серебrenников, Общие вопросы теории артикла и проблема семантики употребления артикла в древнегреческом языке. Москва, 1949, (На правах рукописи).

⁶ См. И. П. Распопов, Актуальное членение предложения, Уфа, 1961, стр. 27.

⁷ Данное и новое, как это реализуется у существительных при актуальном членении предложения и определенность-неопределенность имен, полностью не совпадают. Об этом см. П. Адамец, Порядок слов в современном русском языке, Прага, 1966, стр. 36. Ср. также статью Ш. Кони, Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка, опубликованную в IV. выпуске настоящей серии.

щих конструкциях, мы находим, что чаще всего этим русским сочетаниям соответствуют имена существительные с определенным членом. Наблюдаемые расхождения объясняются отчасти различием в употреблении определенного артикля в разных языках, большей же частью тем важным обстоятельством, что дейксис и анафора как таковые не идентичны с определенностью, хотя чаще всего они реализуются вместе. Ни дейксис, ни анафора однако не исключают возможность неопределенности имени! Таким образом, при изучении функции и условий употребления энклитической частицы *-то* целесообразнее следить за разными типами дейксиса и анафоры, чем искать соответствия между ней и определенным членом. Тем более что вовсе нередки случаи, когда имя существительное, сочетающееся с *-то*, явно не обнаруживает никаких признаков определенности. Посмотрим несколько из таких случаев: „Толстый вы однако! — Ты еще, значит, не видал настояще *толстых-то!*, (Горький, Жизнь Матвея Кожемякина); „Занятный, ох, занятный старик был и большой руки чудак. Ну, а что *воляка-то* он замечательный, я о том уж не говорю, вы и сами знаете”, (Шишков, Гордая фамилия); „... девять тысяч рублей? — Да у меня никогда и *денег-то* таких в руках не бывало! — прибавил он...” (Куприн, Впотьмах). В последнем сочетании определение *таких* при слова *денег-то* уж само показывает, что определенность существительного исключается. В других случаях неопределенность иногда еще более явно обнаруживается. В следующем отрывке, например, наличие анафоры является неоспоримым фактом, а в то же время неопределенность существительного с частицей *-то* выражено определением *один*: „Суконной сотни купцы везли красный товар... Погорячились в Москву за ужину доехать, не доехали, *Купчишка-то один* жив остался, донес”, (А. Толстой, Петр первый).

Анафорическое и дейктическое употребление частицы *-то* наблюдается не только в сочетании с существительными и их заместителями, но и с некоторыми другими самостоятельными словами. (И здесь явление анафоры преобладает над дейксисом.) Имена прилагательные встречаются не слишком часто: „Собственно, *прежней-то* любви... давно уже и не было”, (Куприн, Игрушка); „... Шагобриана долбить... С *больной-то* головой”, (Шишков, Пейпус-озеро); „По совести сказать, он, *убогий-то*, даже в постель слег...”, (Бунин, Хорошая жизнь).

Из числа имен встречаются еще и числительные, но тоже не часто. (Выше был приведен один пример под пунктом № 3.) Наречия попадают чаще, но у них проблема дейксиса и анафоры обстоит, очевидно, иначе, чем у имен. Можно ссылаться на такие примеры: „Поухаживайте за женщинами, да вина хорошего выпейте. *Так-то* и ладно будет”, (Куприн, Мясо); „А уж как на гармонье играл где тебе и хорошему *так-то* сыграть!” (Бунин, Хорошая жизнь); „А он вскорости возьми да и взаправду удавился. *Тут-то* я, понятно, пожалела, что не пошла” (Бунин, там же).

Глаголы очень часто выступают с частицей *-то*. Анафорический характер употребления частицы во многих случаях не вызывает сомнения, что же касается дейксиса, тут уже есть немало затруднений. К анафорическому типу относятся такие примеры как: „Его-орка! Тебе велели иди-ить... — Кто *велел-то?*”, (Ю. Казаков, Трали-вали); „Ва-а-просы... Я, брат, и сам *спрашивать-то* мастер...”, (Короленко, По пути); „Кузнец был горький пьяница и тоже полагал, что умней его во всем селе нет, что и *ньет-то* он по причине своего ума.”, (Бунин, Веселый двор).

8. Так как убедительных примеров для дейктического употребления частицы *-то* с глаголами не нашлось, нужно полагать, что значение глагола вообще не совмещается с характером дейксиса. Последний, безусловно, предполагает известную степень конкретности со стороны объекта мысли, на который как раз делается указание. Такой конкретностью больше всего могут обладать, очевидно, существительные, в значении которых явления действительности представляются в опредмеченной форме: Глаголы же, оказывается, способны только выражать какое-либо действие с сопоставлением с другим каким-либо действием вообще, но без всякой возможности конкретизации, индивидуализации в рамках данного класса действия. То же самое можно установить и в связи с наречиями, с той только оговоркой, что некоторые из наречий по своей семантике выступают в контексте обязательно с конкретизацией их значения (*здесь, там, сегодня, теперь, тогда и другие*). (Последние в этом отношении напоминают личные и указательные местоимения, лишенные конкретного содержания вне контекста, но непременно конкретные в контексте.)

9. Тот факт, что возможность конкретизации, индивидуализации значения у отдельных частей речи имеется далеко не в равной мере, во многом объясняет наблюдаемое разнообразие функции частицы *-то* с точки зрения смыслового членения речи. В основном могут быть отмечены, правда, только два главных типа: во-первых, вспомогательная функция связывания повторяющихся или соотносящихся объектов мысли на основе контекста — (анафора) и указание на возникающий объект мысли на основе конситуации — (дейксис), во-вторых, усиление, подчеркивание значения слова вне такой связи с каким-либо элементом контекста или без момента прямого указания на данный объект. Но оба типа представляют большое внутреннее разнообразие.

Последний, второй тип использования частицы *-то* по частоте употребления уступает первому, но вовсе не может считаться редким. Интересно, что и существительные не остаются вне круга такого употребления с частицей *-то*: „Нас с тобой и за *людей-то* никто не считает.”, (Куприн, Пиратка); „Слышал небось какой *молодец-то* был?” (Бунин, Сверчок); „У тебя *отец-то* есть?”, (Куприн, Дознание). Бывает и так, что *-то* примыкает к одному из членов устойчивого словосочетания, например: „Довольно тебе бить *баклуши-то*,” (Шишков, Да здравствует жизнь!). В таких случаях вряд ли можно говорить о подчеркивании данного одного слова. Здесь подчеркивается, очевидно все сочетание в целом.

Довольно часто выступает частица *-то* в таком „свободном” употреблении и с другими словами, например: „Что *делать-то* нам, ребята?”, (Шишков, Сусанины советской земли); „... ты *куда-ни-то* заведешь вражью силу, в самую погибель заведешь”, (там же); „Погляжу, погляжу, послушаю и выйду. И *такая-то* тоска меня взяла!”, (Бунин, Хорошая жизнь); „Отчего никому не нужен их труд?... *Что-то* будет с ними впереди?”, (Куприн, Просительница).

10. В связи с вспомогательной функцией частицы *-то* в смысловом членении речи нужно указать еще на следующие моменты. Частица *-то* употребляется — в рамках возможностей своего применения — по усмотрению говорящего, а не в обязательном порядке, как артикли. В силу этого она действительно является лишь вспомогательным средством, способствующим осуществлению коммуникативного задания высказывания. Вспомогательный характер частицы *-то* обнаруживается еще и в том, что она сама по себе не

в силах определять место слов при смысловом членении высказываний, но сопровождая слова, так или иначе выделяющихся в данном высказывании, она помогает ярче выделить их.

11. В отношении способа употребления *-то* напоминает артикли тем, что она в одном высказывании может примыкать к двум или более словам одновременно, напр.: „*Такой-то* ты *хозяин-то*, голубчик?“, (Бунин, Хорошая жизнь); „Наш колхоз — „Красное поле“ зовется — отписал на *фронт-то Фетисову-то*: так мол и так.“ (Шишков, Прокормим). Члены предложения, подчеркнутые частицей *-то*, при актуальном членении оказываются то в составе данного, то в составе нового, хотя чаще они относятся к составу данного, как и слова с определенным артиклем в соответствующих языках.⁸ Утверждение о том, что слова с частицей *-то* являются носителями фразового ударения, в таком широком обобщении не может считаться обоснованным. Что же касается взгляда о свойстве частицы *-то* подчеркивать слова, противопоставленные друг другу по значению, это явление прямо вытекает из возможности употребления ее в анафорической функции и является одним из видов реализации анафорического употребления. В следующем отрывке, например, предшествующее связывается с теперешним в виде противопоставления, так как между ними есть определенная разница: „А ходили за ним (тюленем) всяко: другой раз на карбасах, другой раз на ледоколе. *Теперь-то* все больше на ледоколе“. (Ю. Казаков, Никишкины тайны). По контексту слово *теперь* вытекает из предыдущего, а частица лишь подчеркивает эту связь.

Итак энклитическая частица *-то*, во многом напоминая определенный артикль, отличается от него, наряду с другими расхождениями, именно в главнейшем: она не является средством выражения определенности имен.

⁸ См. об этом П. Адамец, указанная работа, стр. 36—37—83.